

Читайте и будьте осторожны, выходя вечером на улицу

ГОЛОС КРОВИ

**ЛУЧШИЕ
ИСТОРИИ
О ЛЮБВИ
И ВАМПИРАХ**

Сумерки

Алекс ТекилаZZ

Голос крови (сборник)

«АСТ»

2013

ТекилаZZ А.

Голос крови (сборник) / А. ТекилаZZ — «АСТ»,
2013 — (Сумерки)

Они живут в царстве вечной тьмы. Они боятся света дня. Они равнодушны к запаху человеческой крови. Они – вампиры. Но, помимо вечного голода, им знакомы и другие чувства. Что происходит, когда любимая девушка вдруг оборачивается жаждущим крови чудовищем? Что скрывает загадочный незнакомец, с которым вы познакомились ночью в баре и который по чему то никогда не назначает встреч днем? Как поступить, если вы врач, у вас на операционном столе умирает юная пациентка, и в ваших силах подарить ей жизнь, вечную жизнь? В этой книге собраны тринадцать историй о вампирах. Тринадцать леденящих душу историй о тайнах, жизни, смерти и любви. Читайте и будьте осторожны, выходя вечером на улицу.

Содержание

От издателя	6
Алекс Рубин. Дожить до зимы	7
Владимир Границын. Последняя осень Анны	11
Taliana. Живая вода	19
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Голос крови (сборник)

© ООО «Астрель СПб», 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

От издателя

В последние пару лет романтические саги о вампирах стабильно занимают самые верхние строчки в списках популярных книг. Вслед за суперуспешными циклами Стефани Майер «Сумерки» и Л. Дж. Смит «Дневники вампира» в книжные магазины хлынуло целое море вампирской литературы. Вслед за зарубежными авторами живописать перипетии нелегкой жизни ночных кровопийц принялись и отечественные авторы. И успех вампирской тематики вполне закономерен, ведь в этих книгах есть то, что так любят читатели и в особенности читательницы – интересный, притягивающий внимание и не дающий отвлечься ни на минуту сюжет, любовь, немного пугающая атмосфера тайны.

Видя популярность вампирской темы, наше издательство выбрало именно ее для очередного конкурса на лучший рассказ, опубликованный на Интернет-ресурсах, ежегодно проводимого совместно с литературной премией «Блогбастер».

Авторам-конкурсантам было предложено развить эту тему в рамках малой формы, т. е. рассказа. От них ждали историй о столкновении мира людей и мира вампиров, о тайнах крови, о загадочном и пугающем и, разумеется, о любви. Задание вызвало живейший отклик, всего на конкурс поступило более 300 работ от авторов со всех концов России и из-за рубежа. Из этого огромного количества членами жюри было отобрано тринадцать лучших рассказов, которые и вошли в этот сборник.

1-е место заняла Леся Орбак (Омск) с рассказом «Нелюдь живая. Нелюдь мертвая».

На 2-м месте оказалась Влада Медведникова (Москва) и ее рассказ «Неподвластные небу».

А 3-е место досталось Ольге Костылевой (Москва), приславшей рассказ «Сага о любви и женской дружбе».

Но и все остальные рассказы не менее достойны внимания, ведь во всех них тема любви и вампиров раскрыта ярко, самобытно и подчас в неожиданном ракурсе.

Желаем вам приятного чтения!

Алекс Рубин. Дожить до зимы

«...его кличут Десяткой, и его прозвище пошло не от десяти добрых дел»

Он проснулся поздним вечером, с трудом вырвавшись из потустороннего мрака в сумеречную явь двухкомнатной квартиры. Тело ныло, как будто он лежал в деревянном гробу, а не в своей постели. Он решил, что проспал целую неделю. Просыпаться с каждым разом становилось все трудней, с каждым днем уходили силы. Он подошел к окну, раздвинул закрытые шторы, распахнул окно настежь. Порыв ветра сбросил на пол завалившуюся на подоконнике полупустую пачку сигарет. Он закурил, выпуская клубы дыма в осень. За окном стоял поздний ноябрь. Уже сожгли опавшие листья, но снег еще не лег на голые ветви деревьев. Осень – самое неудачное время года, но за ней придет зима. Он любил зиму: усталое зимнее солнце, из последних сил посылающее свои слабые лучи, снежный покров, мягко скрипящий под ногами, короткие дни и длинные ночи... Он отчетливо понимал, что ему не дожить до зимы – скорее всего, в следующий раз он заснет и уже никогда не проснется. Проклятое равновесие поймало его в капкан, оставив медленно угасать и ждать неминуемой смерти. Он представлял себе равновесие в виде аптекарских весов с двумя чашами и стрелкой. В прошлый раз он пытался сдвинуть стрелку, но ему не повезло. Может, получится в этот раз? Он выбросил окурочек в окно и шагнул в ночь...

Ночной город встретил его неоновым миганием реклам и пустыми улицами. Удивляться было нечему – в это время люди или отдыхают в своих уютных квартирах, или расслабляются в не менее уютных барах и клубах. Возможно, то, что ему было нужно, нашлось бы в одном из таких мест. Но он с упорством робота или фанатика бродил по пустым улицам, избегая скоплений народа. Огонек сигареты горел у его лица, как точка лазерного прицела.

Наконец его упорство было вознаграждено. На плохо освещенном перекрестке трое быковатого вида парней пытались заташить девушку в припаркованный у тротуара джип. Жертва дергалась в руках похитителей, пытаясь ударить кого-нибудь из них каблуком и вырваться, но было ясно, что ей это не удастся. Девушка не кричала – то ли у нее перехватило горло от испуга, то ли была уверена, что помощи ждать неоткуда. «Распустились, совсем оборзели», – бросил он в темноту и направился к джипу. Появление нового действующего лица явно не смутило троицу. По крайней мере, своего занятия мерзавцы не прекратили: один возился с дверью джипа, а два других пытались пропихнуть упирающуюся девчонку в машину. «Стоять, гаденыши! Отпустите ее», – сказал он. Этого хватило. Все, включая девушку, замерли, как в стоп-кадре из кинофильма. После секундной паузы навстречу ему, демонстративно нашаривая что-то в кармане кожанки, попер бритоголовый крепыш, видимо, лидер местной шпаны: «Ты че, мужик, а?» И услышал в ответ: «Быстро вали отсюда. Если хочешь дожить до зимы. Или хотя бы пережить сегодняшнюю ночь...» Угрозы в голосе незнакомца не было, только легкая брезгливость и уверенность в том, что его послушаются. Но бритоголовый почувствовал, что погружается в ванну едкого липкого ужаса. Отморозок стал главарем не случайно – он был безрассудно смел, без страха смотрел в дуло пистолета, но сейчас почувствовал себя кроликом перед удавом. «Ладно, мужик, еще свидимся...» – выдохнул сквозь зубы бандит и кивнул своим: «Отпустите дуру, потом сама жалеть будет...» Троица загрузилась в джип и уехала. Они остались вдвоем.

Он прижимал к себе рыдающую девушку, успокаивающе водил ладонью по ее волосам, а сам думал о равновесии. Одна из чаш весов потяжелела, и стрелка сдвинулась в нужном

направлении, но этого было недостаточно. Впрочем, первый шаг сделан. Правда, времени мало: скоро наступит день, а с ним – вечная ночь... Он рывком вернулся из своих мыслей в холодную ночную реальность. «Успокойся, маленькая, все в порядке...» Девушка уже не плакала. Срывающимся голосом она говорила слова благодарности, рассказывала, слегка привирая, почему оказалась на улице в столь поздний час, проклинала несостоявшихся насильников. Кстати, ее звали Надя. Надя, Надежда... Он не был суеверен, но усмотрел в этом некий знак. Может, он и доживет до зимы... «Все будет хорошо, Наденька...» Он попытался остановить такси рукой с мерцающим огоньком сигареты, а она все время прижималась к нему, боясь, что он исчезнет, и ее мучители вернуться. Она была очень симпатичной, пережитый страх делал ее лицо детским и беззащитным. Усталый хмурый таксист молча выслушал адрес, распахнул дверь. Она думала, что он поедет с ней, не оставит ее одну. Но время шло, стрелка весов нависала над ним, словно топор палача. Не было времени и сил играть в рыцаря. Впрочем, он записал ее номер телефона. Конечно, она не будет возражать, если он позвонит попозже, чтобы узнать, все ли у нее в порядке. Такси отъездало. Надежда смотрела на него сквозь заднее стекло старой «Волги». Он опять был один.

Второй шанс выпал ему возле казино. Он не собирался заходить вовнутрь, просто шел мимо. И увидел нищенку. «Точнее, женщину, которой очень нужны деньги», – мысленно поправил он себя. Она не была похожа на бомжиху или нахальную попрошайку. Пожилая, в старом сером пальто – и совершенно седая. Она сидела на раскладном стульчике недалеко от роскошного выхода из казино. На достаточном расстоянии, чтобы, не дай Бог, не прогнали молодежавшие охранники, но все-таки на виду у клиентов казино, которые в хорошем настроении выходили из залы и садились в открытые двери своих «Роллс-ройсов» и «Мерседесов». Впрочем, желающих помочь ей не находилось. Не то чтобы им всем было жалко дать ей купюру с портретом умершего президента. Просто ее серое пальто не вписывалось в ту красочную жизнь, которой они жили...

Он заглянул в портмоне. Кажется, с прошлого раза у него оставались какие-то деньги... Деньги были. Немного. Их было недостаточно на полчаса игры в казино, но нищенке, которая ночью просит подавание, этой суммы должно хватить. Сидевшая на стульчике женщина с усталой надеждой смотрела на него снизу вверх. «Должно хватить», – повторил он вслух, достав из портмоне десяток зеленых бумажек с цифрой «сто» и опустив их в раскрытую сумку. Глаза женщины расширились, она хотела что-то сказать, но в горле заклокотало. Она наклонилась вперед, словно пытаясь поцеловать ему руку. «Не нужно, – неожиданно мягко сказал он. – Это не вам, это на чашу весов». Как ни странно, она поняла.

Он уходил, она смотрела ему вслед, а ее губы шептали слова молитвы: «...отпусти ему его грехи». Он слышал ее слова, они колоколом бились у него в голове. Против ожидания, прошедшее серьезно изменило расклад сил. Видимо, деньги нищенке были жизненно необходимы. Может, без них она бы скоро умерла с голоду. Или не смогла бы купить лекарство больному внуку. Причина его не интересовала. Главное – чаши весов почти уравнились, стрелка была в волоске от «зеро». Казалось, еще один шаг и равновесие потеряет свою власть над ним. Но нужно было, как в песне, найти место для этого шага. И он продолжил свой путь в лабиринте неосвященных пустынных улиц.

После нескольких часов бесплодных поисков надежда снова сменилась унынием. Он не мог найти никого, чья судьба могла сдвинуть стрелку весов. Люди спали в квартирах, до утра забыв о своих бедах. А те немногие, кто встречались ему на пути, не нуждались в его помощи. Кажется, равновесие брало реванш за его легкие победы.

В какой-то момент он почувствовал, что не один. Обернулся и увидел пса, который шел следом, легко приносившись к его неспешному шагу. Поняв, что замечен, пес подошел поближе, наклонил косматую башку, словно здороваясь, а потом присел на задние лапы. Это было удивительно; обычно всякая живность сторонилась его, пыталась обойти десятой дорогой. Видимо,

этот пес был необычным животным. «Или просто очень голодным», – усмехнулся он, рассматривая поджарые бока с выступающими ребрами. В собаке чувствовалась порода, однако по грязной свалывшейся шерсти было видно, что о псе давно никто не заботится. «И что же мне с тобой делать?» – спросил он у пса. Тот, понятное дело, не ответил. «У меня нет куска мяса, и я не буду искать его посреди ночи. Времени у меня нет, понимаешь? Равновесию наплевать на собачек, кошечек и прочих божьих тварей. Иначе я купил бы пять буханок хлеба и всю ночь кормил голубей. К сожалению, равновесие любит игратья людьми. Эх, попал бы мне в руки тот, кто это придумал...» Пес сидел и слушал, на умной морде читалось: «Сейчас этот человек перестанет пороть чушь и даст мне чего-нибудь пожрать». Он уловил иронию ситуации и, усмехнувшись, махнул псу рукой: «Ладно, псина, твоя взяла. Идем искать еду».

Окошко будки с выцветшей надписью «Ночной ресторан» было закрыто, но внутри тускло горел свет. Он постучал указательным пальцем в пластик окошка: «Открывайте, люди добрые, сильно есть хочется!» Окошко открылось, в нем показалось бородатое лицо пожилого азербайджанца. «Канечно, дарагой, для тебя – что пожелаешь: хот дог, шаверма,» – начал перечислять продавец, нарочито коверкая слова с «кавказским» акцентом. «Не для меня, отец. Вот собачка у меня голодная». «Да шел бы ты, парень, знаешь куда», – начал продавец, решив, что это очередная неумная шуточка местного жителя над приезжим «чуркой». Однако придумать, куда именно послать нахала, не успел: пес залаял, почувствовав истекающие из «ресторана» дивные запахи: «Гляди-ка – и впрямь собака. Худючая какая...»

Двое мужчин наблюдали за поглощающей мясо собакой. Он протянул продавцу полупустую пачку, тот с благодарностью взял сигарету, закурил, выпуская кольца дыма: «Хороший пес, даром что некормленный. У меня такой зверь был – умница, красавец, настоящий овчар». «Может, это он и есть? Тот, красавец твой, не убежал случайно?» – усмехнулся собеседник. Продавец долго молчал и курил сигарету. Потом все-таки ответил: «Не убежал мой, погиб. Один снаряд – и дома нет. И собаки нет, и жены, и сына... А я есть. Война...» Казалось, этому сильному человеку, который потерял все, кроме жизни, вряд ли кто-то смог бы помочь. И вдруг он понял, что нужно сделать. «Знаешь, отец, возьми-ка этого пса себе». Продавец был явно ошарашен предложением, но ничего не ответил, раздумывал над его словами. Он почувствовал, что на верном пути: «Жалко ведь, с голодухи сдохнет. А ты откормишь – и будет как новенький!» На лице продавца прорезалась улыбка: «А вот и возьму! А то такой красавец пропадает. Почему бы и не взять – квартира есть, регистрация есть, мяса – тоже, как понимаешь, завались...» – добавил продавец, словно уговаривая себя. И вдруг спросил: «Слушай, парень, а как звать собаку-то?» Собеседник докурил сигарету, щелчком отправил окуроч в урну: «Друг. Зови его – Друг». «Друг», – повторил новый хозяин собаки, словно пробуя имя на вкус... И в этот момент чаши весов пришли в движение, стрелка миновала «зеро» и замерла уже на другой стороне шкалы. Пес оторвался от куска мяса и горестно завыл...

* * *

Итак, равновесие проиграло и выпустило ключ из своих рук. Теперь оставалось только поднять ключ с земли и выбрать дверь, которую этот ключ откроет. Как ни странно, он не любил то, что ему предстояло сделать. Он пытался отнестись к этому как к неприятной, но необходимой медицинской процедуре, но иногда это не помогало. Но времени что-либо изменить уже не было – утро вступало в свои права, скоро взойдет солнце и наступит день. Этой ночью он прошел долгий путь и не мог остановиться, не сделав последний шаг. Он снял трубку телефона-автомата и набрал номер.

Надя сразу взяла трубку, словно всю эту ночь, пока он боролся с весами в своей голове, она сидела у телефона и ждала звонка. «Это я. Я не спал всю ночь, бродил по темным пустынным улицам и думал о тебе...» Он говорил о встречах и расставаниях, о ночи, которую тяжело

пережить, о голодных собаках и одиноких людях в темноте. В его искренних словах не было лжи, была только недосказанность, которая меняла многое. Он говорил, она слушала. Слушала его слова, погружалась в его голос. И когда он, наконец, задал свой главный вопрос, то получил тот ответ, на который надеялся: «Я жду тебя, приезжай». Он повесил трубку. Не хотел ни о чем думать, но думал о том, что она даже не знает его имени.

* * *

Ночное такси, усыпанная листьями остановка автобуса, темный подъезд, лифт со сгоревшими кнопками... Он подошел к двери, но не стал жать кнопку звонка. Спросил громко, давая последнюю возможность передумать: «Я пришел, можно войти?» И услышал: «Конечно, заходи». Он вошел, аккуратно закрыв за собой дверь. Она ждала его в коридоре, в легком халатике, накинутом на голые плечи, румяная и аппетитная. Он ожидал увидеть испуганные глаза ребенка, но встретил смущенно-кокетливый взгляд взрослой женщины. Они молчали два удара сердца, потом она вдруг оказалась в его объятиях. Она прижалась к нему, он гладил ее волосы, как на перекрестке, целую вечность тому назад. Ее губы искали его губы, но не нашли – он уже прижался губами к ее шее...

Через некоторое время он бережно, словно хрупкую статуэтку, опустил на пол пустую оболочку, которая еще недавно была живым человеком. Ему было плохо. Считается, что у таких, как он, нет души, но что-то болело и ломалось у него внутри. Он опять победил, и призом были несколько месяцев его жизни. Но в этот раз вкус победы был особенно горек. Он жалел ее, он презирал себя, он ненавидел того, кто придумал этот мир. Но теперь он был уверен, что доживет до зимы. Дождется усталого зимнего солнца и скрипящего под ногами снега, встретит короткие дни и длинные ночи...

Владимир Границын. Последняя осень Анны

История, которую я вам сейчас расскажу, приключилась прошлой осенью. Дело было в старом русском городе Вознесенске, что стоит аккурат на половине пути из Владимира в Кострому. В центре Вознесенска сохранилось с полдюжины улиц, практически не тронутых аж с начала двадцатого века. Одна из таких улочек называется Московская, и на ней стоит бывший особняк фабриканта Карелина. В годы советской власти в монументальном здании из красного кирпича разместился Текстильный техникум, ныне, как водится, переименованный в Экономический колледж.

С первого сентября в этом самом колледже появился новый учитель истории. Звали его Павел Юрьевич Федосеев. Был он высок, строен, русоволос, а от роду ему было двадцать четыре года.

Итак: сентябрь, вторая смена, дело к вечеру. Заглянем в класс, тс-с...

– ...Идти на радикальное социально-экономическое переустройство России Столыпин не мог и не хотел. Он замыслил, оставив в неприкосновенности помещичье землевладение, убоготворить наиболее зажиточную часть крестьянства за счет основной массы крестьян-общинников.

Павел Юрьевич сделал паузу и обвел аудиторию тоскливым взглядом.

Слушатели, вернее, слушательницы – в группе будущих бухгалтеров было всего два юноши, а на уроке присутствовал и вовсе один – занимались чем угодно, но преподавателю не внимали. Некоторые девицы открыто торчали на своих телефонах в аське, кто-то пялился в окно, одна развалилась на парте – похоже, спала. Большинство же шушукалось и хихикало. Когда присутствующие осознали, что учитель-новичок замолк, хихиканье усилилось.

Павел залился краской. В душе ему хотелось хлопнуть по столу, отнять и разбить вдребезги пару телефонов, грубо и непolitкорректно высказать наглым соплячкам все, что он о них думает. Но вместо этого он дрожащим голосом произнес:

– Что же, история России вам, значит, не интересна?

– Господи, Павлик, а тебе самому-то эта скукота интересна?

«Павлик» вздрогнул и посмотрел на сказавшую эти слова деваху. Прямо перед ним сидела тощая брюнетка во всем черном. Цвета воронова крыла были одежда, волосы, глаза, тени, брови, ногти и даже губы. Резким контрастом черноте блестело серебро: большой крест на груди; широкие и узкие перстни, по паре на каждом пальце; добрый десяток колец в ушах и одно в правой ноздре. Посмотрев в снулые агатовые глаза, Павел проговорил:

– Ну хорошо. Давайте поговорим о том, что интересно вам. Вот конкретно вас, девушка, что интересует? Вас как зовут?

– Мэри, – ответила та. И, помолчав, спросила: – Из истории интересует, или вообще?

– Ну-у, желательно из истории, конечно.

– Вампиры и сатанизм.

Притихшая на минуту группа грохнула смехом.

– Вампиры и сатанизм, – словно эхо повторил Павел. Он чуть помолчал, потом проговорил: – Вампиры – существа мифологические, на самом деле их не было и нет. А вот сатанизм – это серьезно. Надеюсь, вы сатане не поклоняетесь?

– Еще как поклоняется! Она всех кошек во дворе передушила! – выкрикнул кто-то.

Мэри, скривившись, дернула головой и сказала:

– Экий ты, Павлик, зануда. «Мифологические», «не было и нет», а предположи на мгновенье, что есть. Вдруг где-нибудь неподалеку в старинном доме живет-поживает красавец-граф. Лет уже триста. Или пятьсот. Богатый и одинокий...

– Богатый и одинокий красавец-граф – это персонаж любовного романа, – перебил Павел. – Вампиры же, известные по народным преданиям и верованиям, – это злобные мертвецы, сосущие кровь. Ходячие трупы.

– А может наоборот – бессмертные? Высшая раса? И они принимают в свой клан только избранных? – спросила Мэри и провела по черным губам языком.

Павел понял, что серебряных колец в ее теле больше, чем он видел прежде, как минимум на одно.

«Любопытно, в других интересных местах у этой сучки такие кольца торчат или нет?» – подумал Павел, и перед глазами у него возник образ обнаженной и распятой поклонницы вампиров. С серебряными кольцами в интимных местах.

Павел Юрьевич густо покраснел. Занятный образ не уходил. Напротив, он стал казаться привлекательным. Паша побагровел до ушей и отвернулся к окну. Тут на его счастье прозвенел звонок, и будущие бухгалтеры шумно ринулись к выходу.

* * *

Занятия закончились. Молодой историк спустился с крыльца. Осенняя улица встретила прохладным ветерком, шелестом листвы под ногами и серой мглой.

«Как уже рано темнеет», – подумал Павел и, пожившись, поднял воротник пальто.

Сделав несколько шагов, историк оглянулся на здание колледжа. На фоне серого неба трехэтажное здание выделялось большой темной глыбой. В полумраке трудно было различить разницу, но Павел знал – третий этаж надстроен уже при Советах. Строители, надо сказать, постарались – точно скопировали украшенные орнаментом своды над окнами, узорчатый барельеф между ними и вдоль карниза. Подвел стройматериал; советский кирпич отличался от оригинального цветом и размером. А главное – качеством. Во многих местах он начал осыпаться. Первые же этажи стоят как новые. Темно-красный кирпич-«кабанчик» кажется в полумраке багряным, будто напитан кровью. Павел поежился снова, удивился – откуда такие мысли? И вспомнил ученицу, назвавшуюся Мэри. Думы молодого учителя плавно вернулись к теме, над которой он размышлял все последние дни.

«Зря я сюда устроился. Мне с ними не справиться. Чему я могу их научить, если они совершенно не слушают?»

Павел Юрьевич вздохнул и направился вдоль тротуара. К обочине резко подрулил новенький джип, к нему подскочила одна из студенток. Клацнула дверца, выпустив на улицу громкую музыку, и оборвала ее, захлопнувшись. Взревел мотор. Джип унесся, оставив после себя запах выхлопных газов и чувство странной обиды.

Павел не спеша, прогулочным шагом, двинулся вдоль по Московской улице.

«Конечно, на кой им история, – думал он при этом. – Только и забот у людей сейчас – машины, компьютеры, телефоны... Что там еще? Интернет. То ли дело было раньше...»

Что именно «было раньше», Паша, несмотря на профилирующее образование, представлял смутно. Еще больше замедлив шаг, он задумался.

«Интересно, а вот гимназистки лет сто назад, они были такие же оторвы, как эти? Нет. Конечно же, нет!»

В голове пронеслось обрывками:

«Конфетки-бараночки; гимназистки румяные, от мороза чуть пьяные; рыхлый снег; птица-тройка».

Возникло видение барышни в кубанке и с руками в меховой муфте.

Павел пнул ворох опавших листьев и посмотрел по сторонам.

Московская улица представилась ему в этот час иллюстрацией к его размышлениям. На противоположной стороне высились ярко освещенные новые коттеджи со спутниковыми

тарелками на крышах и дорогими иномарками за оградами. Та же сторона, по которой он шел, была погружена в сумрак. И в сумраке этом флегматично стояли реликты давно ушедшей эпохи – разномастные дома еще царской постройки.

Павел ходил здесь с первого сентября ежедневно и всегда с удовольствием рассматривал каждое строение.

Вот двухэтажный дом. Первый этаж каменный, второй – деревянный; мало ли таких домов в Вознесенске? Но крыльцо его покоится на ажурных чугунных колоннах, таких Павлу видеть прежде не доводилось. Интересно бы побывать внутри.

Следующий дом – одноэтажный – притаился в глубине двора. Какие необычные у него окна – круглые. Простенки между ними украшены пилястрами. Сейчас этот дом наискось пересечен, словно ветвистой молнией, глубокой трещиной. Но когда-то он наверняка принадлежал людям зажиточным. Какому-нибудь купцу, а может, фабричному инженеру...

Молодой историк прошел дальше и приблизился к высокому кованому забору. Здание за ним было самым интересным. Настоящее дворянское гнездо в центре города. И, что интересно, оно не принадлежит государству. В других таких зданиях размещены музеи, дома детского творчества, учебные заведения или, на худой конец, какие-нибудь конторы. Как, например, в бывшем особняке графа Зубкова, где обосновалась городская санэпидемстанция.

Павел задержался, вглядываясь в темную громаду. Все до единого окна были забраны коваными решетками, и ни в одном из них не горел свет. Вдруг он увидел идущую от дома женщину. К калитке они подошли одновременно. Историк скользнул взглядом по лицу незнакомки и отметил, что она молода и очень красива. Сердце отчего-то екнуло. Женщина улыбнулась. Не отдавая себе отчета, Павел улыбнулся в ответ. И разом ушли, показались далекими и ничтожными, неприятности и заботы. Молодой учитель сбился с шага, смутился и, не найдя в себе сил заговорить с незнакомкой, прошел мимо. С огромным трудом удержался он от искушения обернуться. Весь вечер Павел был молчалив и задумчив, на лице его блуждала неясная улыбка. Мысли молодого человека снова и снова возвращались к нечаянной мимолетной встрече.

На другой день Паша вновь встретил ту незнакомку. Когда он шел с работы, чугунная калитка была отворена. В проеме стояла Она.

– Добрый вечер, – произнесла женщина с мягкой улыбкой.

Сегодня она показалась Павлу моложе и краше, чем накануне.

– Здравствуйте, – сдавленно прохрипел он в ответ и, чувствуя себя ужасно неловко, остановился.

Некоторое время они молчали. Пауза затягивалась. Наконец Павел вымолвил:

– Вы здесь живете?

– Да.

Приободрившийся учитель спросил:

– А как вас зовут?

– Анна.

– А меня Павел. Я работаю... э-э... преподаю в колледже. Преподаю историю.

– В самом деле?

– Да. И мне очень интересно, что это за здания здесь на улице, – Паша сам удивлялся собственной смелости. – Вот дом, в котором вы живете, он же еще царской постройки?

– Конечно, – кивнула Анна.

– А что в нем было до революции?

– В нем всегда жила моя семья.

– Вот как?! – удивился историк. – А ваши... э-э... предки – кем они были?

– Прадедущка был царским полковником, дед служил красным.

– А-а, поня-ятно, – протянул Павел.

С уст его готовы были сорваться новые вопросы, но он не осмелился пытаться Анну дальше. Тем более что после его «понятно» она смотрела несколько напряженно.

В ту ночь Павел узнал, что такое бессонница. Он лежал в постели и пытался уснуть. Тщетно. Мысли снова и снова возвращались к встрече с Анной, к их разговору. Настроение металось от эйфории (он встретил женщину мечты) к депрессии (она, должно быть, решила, что он болван). Что за беда? Может, это болезненное состояние и есть любовь? К середине ночи Павел принял решение: следующим же вечером встретиться с Анной снова и пригласить ее на свидание. А там будь, что будет... Время до утра ползло медленно. Так же медленно, как эта, мать ее, часовая стрелка на циферблате. И оно было в ту ночь подобно меду – липким и тягучим.

День шел хоть и неторопливо, но намного быстрее. После занятий молодой историк пулей метнулся к ближайшему павильону за цветами, и скоро, с гулко бухающим в груди сердцем и большим букетом пунцово-красных роз в руках, шагал к заветному дому. Накрапывал унылый осенний дождик, но Павлу было не до него. Какая стоит погода, он попросту не замечал.

Анны на улице не было.

Досадно, но решимости молодого человека это не убавило. Он, не раздумывая, толкнул калитку – та со скрипом распахнулась – и вошел во двор. Дорожка к дому раскисла и была покрыта мокрыми опавшими листьями. Павел прочавкал по ним и поднялся на широкое крыльцо. Тьма сгустилась настолько, что впору было двигаться на ощупь. Но тут дождь, словно по заказу, прекратился. Сквозь пелену облаков проглянула луна. Серебряный свет озарил мраморные ступени, пару покрытых трещинами колонн, высокие двойные двери. Дверные ручки были выполнены в виде медных львиных голов с большими кольцами в зубах. Под ними были прикреплены широкие, медные же, пластины. Павел скользнул взглядом по переплету в поисках звонка. Не нашел, хмыкнул и постучал кольцом по пластине. Звук получился сочным и гулким. Красивым. Прошла минута. Павел постучал снова, на этот раз сильнее и дольше. За дверью послышались шаги. Женский голос спросил:

– Кто там?

– Э-э... извините, а могу я поговорить с Анной?

Дверь отворилась.

Лунный свет позволил разглядеть: на пороге, зябко кутая плечи в платок, стояла она.

– Добрый вечер. Простите, что я так вот, без приглашения... мне нужно с вами поговорить. Это вам, – протянул Павел женщине букет.

Анна приняла цветы и проговорила:

– Проходите. Сейчас я зажгу лампу.

Поразительно, но в доме у Анны не было электричества. В первый момент, когда она вернулась с керосиновой лампой в руке, Павел решил – вышибло пробки или случилось что-либо еще в этом роде. Но он ошибался. Дом не был подключен к электросети вовсе. И Анна жила в огромном особняке одна. Все это он выяснил позже, а пока они, миновав тамбур, попали в большой зал, где горел камин. Анна направилась напрямиком к огню. Павел задержался у дверей и огляделся. Глаза более-менее привыкли к темноте еще на улице, и в неверном, пляшущем свете он различил высокий сводчатый потолок, картины на стенах, широкую каменную лестницу на второй этаж. Возле лестницы стояла статуя обнаженной женщины с поднятыми вверх и связанными в запястьях руками.

– Проходи сюда, здесь уютно, – услышал он от камина чуть хриловатый голос Анны. – У меня есть хороший коньяк. Выпьем?

Павел подошел. Они оказались лицом к лицу, и он смог рассмотреть ее как следует. Анна была божественно красива. Под пуховым платком на ней оказалось белое вечернее платье. Черные кудри были забраны в высокую прическу. В колеблющемся свете живого огня на меловом лице отчетливо выделялись черные крылья бровей, крупные прекрасные глаза, ярко-красные губы. Губы едва различимо дрожали. В эту ночь молодой историк не пришел ночевать домой.

С той поры Павел проводил в обществе Анны все вечера и многие ночи. Как ни уговаривал молодой человек, она неизменно отказывалась сходить с ним куда-либо дальше прилегающей к ее дому улицы. Потому все время они проводили в старинном особняке. Павла, впрочем, это нисколько не смущало. Часы в обществе возлюбленной пролетали стремительно. Павлу и Анне не были нужны ни дурацкий телевизор с похабными новостями, ни пошлое радио. Большую часть времени они проводили у камина, дегустируя за беседой изысканные вина, меньшую – в постели, и лишь изредка выходили на улицу подышать воздухом.

Определенно, эта женщина нисколько не была похожа на современных отвязных девиц. Она словно явилась в жизнь Павла из прошлого. Из тех романтических времен, когда дамы падали в обморок от чрезмерных эмоций и круглосуточно нуждались в заботе и защите.

Первое время Павла живо интересовали статуи, коих в особняке было множество. В большинстве своем это были фантазмагорические, нелепо изломанные, будто расчлененные и вновь собранные фигуры мужчин и женщин. Многие состояли из нескольких частей. Порой части эти находились на некотором расстоянии друг от друга или были неправильно соединены. Пара фигур была словно вывернута наизнанку. Воистину, у создателя этих скульптур было извращенное воображение. Но в том, что он гений, сомневаться не приходилось – настолько верно были переданы малейшие детали тел, черты искаженных гримасами боли или ужаса лиц.

На вопросы о происхождении статуй Анна отвечала уклончиво. Мол, собирал коллекцию дед, где он скульптуры эти брал, не знаю, кто автор – тоже не ведаю... Павел поприставал поначалу с расспросами, да и отвязался: не хочет рассказывать, не надо. А может, и правда не знает. Мало ли в тридцатые – сороковые годы со скульптурами экспериментировали? Скорее всего, уши растут из тех веселых времен.

Одно в этих статуях никак не давало Павлу покоя: он никак не мог определить, из какого материала они изготовлены. Мрамор – не мрамор, гипс – не гипс. На взгляд вроде камень, скорее всего мрамор, а прикоснешься... нет, не камень. Воск? Что еще? Расспрашивать хозяйку было бесполезно.

«Я не знаю», «может быть», «какая тебе разница?», «мне они нравятся, пусть стоят», – ответы были примерно такими.

Ночи становились все длиннее, а дни – короче.

Павлу эти самые дни, когда он был вынужден расставаться с Анютой и ходить на ненавистную работу, казались противным серым киселем. Преодолевая сонливость, молодой учитель час за часом хлебал этот постылый кисель, с нетерпением ожидая вечера.

У себя дома он бывал совсем мало, лишь иногда приходил ночевать. От причитаний матери по поводу того, как он исхудал и побледнел, отмахивался. Дескать, были бы кости – мясо нарастет.

Через месяц дошло до того, что однажды он уснул прямо на уроке. Ехидству студенток не было предела, но Павлу на их колкости было глубоко плевать.

А в один прекрасный день – воскресенье – их с мамой навестила бабушка Маша из Зареченска. Увидев исхудалого, смертельно бледного внука, Мария Михайловна немного всплакнула. Уговаривать его сходить в больницу не стала, а просто надела на шею маленький крестик с ладанкой.

– Обещай мне, что не снимешь его. Пожалуйста, Паша.

- Ну ладно, баб, – пробормотал в ответ внук.
- Не «ну ладно», а скажи хотя б: не сниму, – горько улыбнулась седоволосая, похожая на одуванчик, старушка.
- Ну ладно, баб, не сниму...

Спустя несколько часов Павел, по обыкновению, спешил к милой Анне. Но в тот вечер все изменилось.

Сначала изменения были трудноуловимы. Вроде бы все как всегда, только вдруг почудилось, будто статуя у лестницы – самая первая, женщина со стянутыми над головой руками – в ужасе силится о чем-то его предупредить. Павел задержался возле нее на секунду, и его прошиб ледяной пот.

«Совсем измотался, – подумал Павел. – Надо бы отдохнуть недельку, отоспаться. Так и до обмороков недалеко».

Присаживаясь у камина, он пробормотал:

- Укатали сивку крутые горки.
- Что ты сказал, милый?

Как приблизилась Анна, он не слышал.

- Ничего, любимая, все в порядке.
- Ты очень бледен. Я принесу красного вина, оно придаст сил.
- Было бы здорово, – улыбнулся он.

Анна беззвучно удалилась. Павел осмотрелся, испытывая неприятное ощущение, что за ним наблюдают. Вдруг взгляд наткнулся на еще одну статую: в темном углу стоял Посейдон с трезубцем в руке. В ту минуту он показался гостю застывшим освежеванным мертвецом. Мертвец злобно скрипнул зубами и жадно сглотнул.

«Что за черт?! – дернулся гость. – Крыша едет уже. Так и до дурдома недалеко».

Он расстегнул ворот рубашки, помассировал шею. Пальцы наткнулись на шелковый шнурок.

«Что это? Ах да, крестик».

Мысль эта неожиданно успокоила.

– А вот и я, – хрипловато пропела возвратившаяся хозяйка. – Согреваешься? Подбрось пару поленьев.

– Слушаюсь, моя госпожа.

Павел потянулся к сложенным у камина дровам. Пламя приняло новую жертву и с довольным гулом принялось отплясывать свой вечный танец на ее чернеющих костях. Гость повернулся к хозяйке. Лицо ее странно дрогнуло. Павел всмотрелся внимательнее. Лицо Анны было будто подернуто колышущейся вуалью.

«Что за глюки? Может, я отравился?»

Он взял бокал и сделал пару больших глотков.

– Ты знаешь, Ань, что-то я сегодня неважно себя чувствую. Ты прости, но я просто с ног валюсь. Не возражаешь, если я лягу пораньше? Прямо сейчас.

– Нисколько. Пойдем, я тебя провожу.

Дорога до спальни на втором этаже показалась Павлу путешествием через ад. Пол и стены шатались. На каждом шагу поджидали клацающие, шипящие, завывающие чудовища.

«Похоже, я заболел, – решил он. – У меня, должно быть, температура и на ее фоне бред». Хозяйка довела гостя до спальни и уложила в постель. Он сразу уснул.

Проснулся он от нестерпимого жжения в груди.

Павел открыл глаза и попытался понять, что с ним. Он лежал на кровати, в одной футболке. Над ним склонилась Анна. Было жарко. А еще нестерпимо пекло грудь. Что, туда уголь из камина упал, что ли?

Павел приподнялся, стянул футболку и отбросил в сторону. В комнате стало чуть светлее. Анна сдавленно вскрикнула и закрыла лицо руками.

– Что с тобой? – машинально спросил Павел, одновременно осознавая: слабый свет исходит от крестика на его груди. – Господи! – Павел перекрестился.

У стен раздался отчаянный стон.

– Анечка, что с тобой? Убери руки, слышишь?

– Сними крестик, любимый. Зачем он нам?

Анна опустила руки, ласково улыбнулась. Павел смотрел на нее и отказывался верить своим глазам. Сквозь черты прекрасного лица явственно проступила личина мертвой старухи. В нос ударила тошнотворная вонь.

– Ведьма! – воскликнул Павел.

Что было сил оттолкнув ее, он попытался соскочить с кровати, но лишь упал на четвереньки. Из углов спальни к нему бросились «статуи». Одно из чудовищ железной хваткой схватило его шею.

– Господи! – задыхаясь, вскричал Павел. В памяти сами собой всплыли слова: – Отче наш, Сущий на Небесах, – он произнес их вслух и продолжил насколько мог громко: – Да святится имя Твое! Да придет Царствие Твое...

Исходящий от крестика свет стал ярче. Шея освободилась. За спиной колдунья резко выкрикивала какие-то жуткие слова. Не оглядываясь, Павел прямо на четвереньках бросился к выходу. В коридоре он поднялся на ноги и помчался вниз по лестнице, а «скульптуры» хватили его за руки и ноги, клацали зубами возле лица и шеи. В призрачном серебряном свете было видно, что это – движимые колдовством, расчлененные и заново собранные трупы. Лишь много позже Павел смог осознать, где ему доводилось видеть подобное: по телевизору однажды показывали работы некоего «Доктора Смерть».

Без конца повторяя слова молитвы – одни и те же, какие знал, – Павел прорвался. У выхода он нашарил на вешалке пальто, накинул его прямо на голое тело и выскочил из зловещего дома. На улице кружил первый снег.

Если бы по улице Московской в те минуты шли люди, то они могли бы видеть, как от одного из домов на темной стороне метнулся босой человек в черном пальто. Сверкая голыми ногами, он перебежал проезжую часть и прислонился к фонарному столбу. Он долго стоял так, в круге яркого электрического света, время от времени вздрагивая всем телом. По лицу его ручьями текли слезы.

* * *

Прошло десять дней. Первый снег, покрывший в ту ночь землю мягким белоснежным одеялом, растаял. Павел Юрьевич Федосеев вернулся к работе. В шумных ученицах с неизменными телефонами, наушниками и жвачкой он теперь видел жизнерадостных молодых девушек, и они даже стали ему немного симпатичны. А однажды, ближе к вечеру, он проводил урок в той самой группе. Ну, вы догадались – в той, где училась Мэри...

В конце урока Павел сказал ей:

– Мэри, задержись на минутку.

Когда они остались одни, историк спросил:

– Хочешь, я познакомлю тебя с настоящим вампиром?

– Ой-ой-ой, с вампиром. Их же не существует.

– Ну-у, если ты боишься...

– Да ничего я не боюсь! – перебила девушка и с улыбкой добавила: – С тобой, Пашенька, хоть к черту на рога.

– Вот и отлично. Давай встретимся завтра в десять утра у входа в колледж. Смотри только, крест не снимай. И... э-э... впрочем, ладно. Осиновые колы я приготовлю, конечно, сам...

...Вот такая прошлой осенью у нас в Вознесенске приключилась история, хотите верьте, хотите нет.

Да, многие спрашивают, почему девушку зовут Мэри, нерусская что ль? В самом-то деле она Маша, только представляться любит этак вот: «Мэ-эри».

Taliana. Живая вода

Полночь. Огни над танцполом уже спят ее глаза. Шум музыки и голоса посетителей сливаются в один сплошной невыносимый звук. Ноги отказываются танцевать, а тело молит об одном – покинуть это царство хаоса и окунуться в тепло и уют собственной спальни.

Ольга прощается с друзьями и перед выходом спешит в дамскую комнату. По дороге ей постоянно попадаются целующиеся парочки, и даже в уборной не удастся избежать подобных сцен. Едва она закрывается в кабинке, как по соседству раздается неоднозначное ерзание с параллельной звуковой трансляцией поцелуев.

– Дома нельзя этим заниматься? – рассерженно спрашивает она.

Ей отвечает громкий стон, почти крик – и серия ударов о стенку туалета.

– Чтоб вас! – ругается она, понимая, что так у нее ничего не выйдет.

Тем временем в соседней кабинке притихают, и вскоре раздается характерный скрип двери и звук удаляющихся шагов.

– С облегчением! – язвительно кидает она вдогонку неизвестным и неторопливо покидает свою кабинку.

Намылив руки, Ольга бросает рассеянный взгляд в зеркало и испуганно замирает...

Позади своего отражения за распахнутой дверью кабинки она видит неподвижное тело.

* * *

Девушка полулежит поверх унитаза и не подает признаков жизни. С замирающим сердцем Ольга подходит к ней и неуверенно касается ее плеча.

Тело вздрагивает, и женщина испуганно отшатывается, встречая взгляд резко распахнувшихся глаз.

Вид у девушки странный, непонимающий, а взор – шальной, как от дурмана.

– Где я?

– В туалете.

– А как я тут оказалась?

– Откуда мне знать?

Ольга облегченно вздыхает, но руки еще дрожат. Покинув кабинку, она идет к умывальнику освежиться.

– Ничего не понимаю. Мы танцевали...

Девушка замолкает, но вскоре раздается звук ее неуверенных шагов:

– Голова словно пьяная...

– Почему «словно»? – язвит Ольга.

– У меня неприятие алкоголя. Я даже пиво не пью...

– Святая невинность! – вытирая руки, усмехается женщина.

– Ничего не помню, – всхлипывая, шепчет девушка.

Ольга присматривается. Вид у незнакомки не разгульный. Она не дешевка и не продажная. Глаза честные, улыбка смущенная, одежда приличная. Кто-то измял ее, одурманенную, в кабинке туалета: неудивительно, что теперь она испугана и растеряна.

В сердце закрадывается непрошенная жалость.

– Может, тебя опоили? – вслух предполагает Ольга.

Девушка заинтересованно оборачивается в ее сторону, и Ольга повторно замирает. Она смотрит на отражение девушки: на ее шее отчетливо виден небольшой кровавый след...

* * *

- Ты точно не помнишь, как его зовут? – настойчиво спрашивает Ольга.
Девушка крутит головой из стороны в сторону. Она не помнит.
- А как выглядит, рост, цвет глаз, что угодно?
- Ничего. Сплошное размытое пятно. Помню его голос, такой сладкий, чарующий...
- Что он тебе говорит?
- Предлагает потанцевать. Потом говорит, что мне нужно выйти в туалет. И я иду. А потом... ничего. Пустота.
- Ольга хмурится, размышляет, Анна все плотней кутается в ее теплый плед.
- Они пьют чай на кухне Олиной квартиры и разговаривают. Уже близится рассвет, а они все сидят.
- Спасибо, что не бросила меня, – в очередной раз говорит Анна.
- Не обсуждается, – бурчит в ответ Ольга.
- Знаешь, что я еще помню? – тихим шепотом говорит девушка и, дождавшись внимательного взгляда, продолжает: – Ему совершенно невозможно сопротивляться...

* * *

«Ему совершенно невозможно сопротивляться», – эти слова постоянно пульсируют в ее мозгу и не дают ни спать, ни есть. Она кажется сама себе сумасшедшей, когда ровно через неделю вновь перешагивает порог того самого клуба. На этот раз она идет одна и делает это намеренно. Если ее расчет верен, во-первых, Он – роковой неизвестный, что проколол шею девушке по имени Анна, – интересуется именно одиночками. А во-вторых, подвергнуть девушку повторному испытанию, хоть та толком ничего не помнит о своих злоключениях, женщина не желает. Возможно, это глас нереализованного материнства: Ольге тридцать шесть, а Анне – всего восемнадцать, при других обстоятельствах они вполне могли бы быть матерью и дочерью.

– Марк, есть ли среди завсегдатаев вашего заведения мужчина, молодой человек или юноша, который может вскружить голову любой даме? – спрашивает она бармена, протянув шелестящую купюру.

- Такой, как ты, или дурочке из молодых? – улыбается он.
- Любой.

Марк задумывается, а потом, поджав губы, крутит головой.

– Есть пара типов, что любят молоденьких пустоголовых кукол, но с такой дамой, как ты, им не тягаться. Есть и пара альфонсов, что за неплохие бабки скрасят досуг состоятельных дам. Но такого, кто мог бы вскружить любую голову, я не знаю.

– Дай мне знать, если увидишь такого чертовски красивого парня, что с ним любая пойдет! – Ольга смеется и пытается свести все к шутке.

Марк понимающе кивает и углубляется в свои дела, а Ольга направляется блуждать залами клуба, чтобы своим цепким взглядом отыскать рокового неизвестного в толпе встречаемых мужчин.

Время близится к полуночи, но она не видит ровным счетом ничего подозрительного или необычного. Рядовой вечер в клубе. Шум. Музыка. Люди. Целующиеся пары на танцполе, в темных уголках, коридорах, и масса желающих посетить туалет на пару с другом или подругой. Она ощущает себя извращенкой, которая подсматривает за сладостным досугом других, с той лишь разницей, что ей это не доставляет ровным счетом никакого удовольствия. Обидно. Она все еще надеется, хоть и сама толком не понимает, на что.

Не дождавшись ничего, кроме трех шумных кульминаций и одного зычного матерного окрика в свой адрес, когда ее ловят на подсматривании, рассерженная и пристыженная, она покидает место своего позора, но у выхода ее нагоняет Марк.

– Помнишь, просила найти красивого парня? Я ему сказал о тебе, и он не прочь познакомиться. Ждет у стойки бара.

Марк расплывается в самодовольной улыбке.

– Ты сказал ему обо мне? – едва сдерживая рвущиеся наружу гнев и стыд, переспрашивает она.

– Все в порядке! Человек пришел расслабиться. Ты тоже. Что я сделал не так? – недоумевает Марк.

Ольга берет себя в руки и кивает. Она идет за молодым человеком, настраивая себя на то, чтобы тактично отшить бедолагу. Но «бедолаги» на месте не оказывается.

– Ничего не понимаю. Он просил тебя показать. Дал мне денег, – суется Марк.

– Много дал? – усмехается Ольга.

– Пятьдесят зеленых, – сверкает зубами бармен и лезет в карман за подтверждением. – Куда же я их дел?

– Удачи в поиске, а я домой.

– А как же красавчик?

– В следующий раз...

* * *

...Ночь. Темно и сыро. Недавно прошел дождь. Последнее такси увели из-под носа. Пришлось идти пешком.

Перекресток, аллея, парк. Темно и пусто. Шум далеких колес, шелест листвы и вновь тишина.

Ольга оглядывается. Свет фонаря подмигивает ей в луже и гаснет, как и его двойник на столбе.

– Чудесно! – оценивает она. – Последний фонарь в парке, и тот погас. Весело...

Тихо, но стук сердца нарастает. Что это? Шаги позади, или показалось? Она опять оглядывается. Снова никого. Впрочем, темно – хоть глаз коли. Все равно ничего не рассмотреть. Приходится всецело полагаться на слух.

Стук, стук, стук...

Это шаги, или сердце стучит в груди?

Стук, стук, стук...

– Не будешь дурой, ночью через парк больше не пойдешь. А если убьют, и подавно! – насмехается она над собой, с трудом унимая дрожь.

Позади что-то цокает. Звук как от удара монетой об асфальт. Ольга замирает на миг, прислушиваясь к тишине, а затем словно сумасшедшая срывается с места и стремительно мчится вперед.

Аллея, другая. Шума позади не слышно, но она не рискует оглянуться.

Беседка, памятник – и, наконец, нужный поворот и выход на проезжую часть.

«Такси, такси!» – кричит она, но машина проезжает мимо. Ольга нервно оборачивается в сторону парка, но там темно и по-прежнему никого не видно. Она пересекает дорогу и движется вдоль улицы к ближайшему перекрестку в надежде найти в этот поздний час свободную машину.

Машина, потом другая проносятся мимо, а она все косится на парк, что не торопится остаться позади. Сердце стучит ровнее, руки перестают дрожать, но такси нет, а она все идет одна в этой давящей тишине.

– Что за ночь такая?! Нет никого... – раздраженно шепчет она.

На противоположной стороне появился силуэт, но освещение паршивое, и она не может его толком рассмотреть. Интуиция говорит ей, что это мужчина. Он идет неторопливо, словно прогуливается. Пинает что-то ногой и насвистывает какую-то мелодию. Ольга отчетливо слышит ее в тишине. Что-то знакомое, но она не может уловить, что именно. Свист смолкает, и раздается голос. Мягкий и глубокий, он поет ей. Он поет именно ей...

Голос такой чарующий, что ему просто невозможно сопротивляться... Она цепенеет от этой мысли, вспоминая слова Анны. Ужас ознобом ползет по ее телу, подбираясь к разуму. Ольга закрывает уши руками и пятится, со страхом всматриваясь в плавно движущийся на нее силуэт.

Его руки заложены в карманы, он ступает неспешно. Уверенная походка вразвалочку, высокая стройная фигура, вся укрытая темнотой. И только его голос отчетливо различим в тишине, голос, что неторопливо пробирается в ее сознание. Он звучит так, словно мужчина шепчет ей на ухо:

...На перекрестке
Мы друг друга повстречали...
Стояли одиноко
Между двух миров...
И звуки ночи
Нас тихонько повенчали...
Жизнь или смерть?
Понятно все без слов...
Загадочный мой взгляд
Для смертных – ЯД!
Так отчего, скажи,
Глаза полны печали?
Ты этот сладкий яд
Готова пить ночами?
Ведь эту песню ночи

Два сердца сочиняли...

– Изыди, нечистый!

Смех – тихий, задорный.

– Оля, Олюшка... Наивная девочка. Ты же искала меня, зачем же удивляться, что я пришел на твой зов? – сладко тянет он.

– Кто ты?

Опять смех. Мужчина замирает и даже запрокидывает голову, чтобы насладиться своим весельем.

– А кто я, по-твоему?

– Не знаю! – кричит она.

– У тебя ведь есть догадки?

– Ты проколол восемнадцатилетней девочке горло!

– Проколол? Какие глупости! Зачем мне это, не пойму?! Это занятие для глупых детишек или маньяка, который окончательно съехал с катушек. А я знаю цену женской крови. Я не пролью ее ни капли понапрасну, – то ли поет, то ли говорит он.

– Кто ты?

– Это ты мне скажи, кто я? – теперь его тон серьезен. Он уже не шутит и не смеется.

– Ты зло. Ты нечисть. Ты нежить!

– Фу, как грубо! – отплёвывается он брезгливо. – Нежить. Зло... Зло – это очень глобальный масштаб. Я – скорее мелкий пакостник в масштабах вселенной.

– Вампир.

– Во-о-от! – протягивает он довольно. – Уже ближе.

Истерически вскрикнув, женщина круто разворачивается и со всех ног бросается наутек. Она несется так, что от собственной скорости у нее начинают слезиться глаза. В груди печет невыносимо. Вскоре ломается один, а затем и другой каблук. Но она мчится, и даже мысль о том, что бы остановиться, приводит ее в невероятный ужас.

Крыльцо. Подъезд. Дом. Дверь, лестница, площадка, лестница, дверь. Наконец-то дома...

– Ай-яй-яй! Кто же от вампиров пешком бегаешь?

Вскрик. Вспышка яркого света – и темнота перед глазами...

* * *

Собственная голова стала невыносимой тяжестью. Ольга морщится, силясь подняться на слабых руках. Станный дурман владеет ее телом. Глаза не открываются, а в голове навязчиво звучит невыносимо томительная песня. Она успокаивает настолько, что ей снова хочется спать.

– Не пой больше, – шипло просит она.

– Как скажешь, моя сладкая.

Резкий толчок от постели, и глаза женщины распахиваются. Картинка перед ними плывет и, наконец, обретает в темноте четкий мужской контур.

– Ты хорошо себя чувствуешь?

– Что... ты тут делаешь? – выдыхает она, ужасаясь.

– Чай пью, – невозмутимо отвечает он. – Разве не видно?

Видно очень плохо. Но он и правда сидит в непринужденной позе на стуле возле ее дивана и что-то пьет. Она молит небо о том, чтобы это действительно был чай.

– Я спросила, что ты делаешь в моем доме? Я тебя сюда не приглашала! – строго цедит она сквозь зубы.

– Это только в кино нас нужно приглашать. В жизни мы и без приглашения прекрасно справляемся.

– Включи свет! – хватаясь за горло, требует она.

– Я не пробовал. Про «сладкую», это я так, чисто гипотетически...

Он спокоен, даже слишком расслаблен, весело настроен и расположен к общению.

– Что ты со мной сделал? – требовательно спрашивает она.

– Слегка оглушил. Все пройдет, обещаю.

– Зачем ты сюда пришел?

– Я же не мог тебя бросить одну! – удивляется он.

– А зачем ты меня по голове бил? Зачем шел за мной?

– Я чая хотел, а ты явно не была настроена меня им угощать, – он безмятежно разводит руками.

– А пить тебе хотелось – до смерти!

Ее едкий сарказм и раздражение мало его трогают.

– На твоё счастье, нет, – усмехается он, и она даже во тьме видит, как опасно сверкают его зубы.

– Включи свет!

– Хочешь меня увидеть? – понимает он.

– Да.

– Тогда позволь вопрос. Ты предпочитаешь блондинов или брюнетов?

– Без разницы, – сухо отвечает она.

– Значит, на мой вкус? – в его голосе слышится улыбка. – Постарше или помоложе?

Тишина.

– Значит, помоложе.

– Почему «значит»?

– Потому что если постарше, об этом говорят, а если моложе, стесняются признаваться.

Женская психология.

Он снова улыбается.

– Свет, – напоминает она.

Он поднимается, и тут же раздается щелчок выключателя.

Ольга прикрывает глаза ладонью, но вскоре обретает способность видеть и, отстранив руку от лица, резко отшатывается назад.

– Я хотел, чтобы тебе было удобней меня рассмотреть, – весело сознается он.

– Зачем же под самый мой нос свою рожу пихать? – раздраженно спрашивает она.

– Разве это рожка? – взмахнув у своего лица рукой, не соглашается он. – Или я плохо старался?

Старался он хорошо. Даже слишком. Лицо молодое, но в меру. Лет 25–27. Кожа светлая, гладкая. Черты лица классические – прямой нос, высокий лоб. Дивные золотые кудри и красивые глаза цвета океана. Такие же лазурные. Овальные. Безупречные. И улыбка – сахар в меду или мед в сахаре. Зубы, белые как снег, и тело, как у статуи Микеланджело. Давид чистой воды. Только не каменный, и стоит не во Флоренции, а перед ней. И улыбается...

– Я заслужил похвалу?

– С какой стати я должна тебя хвалить? – едко огрызается она.

– Можешь и не хвалить, но это оскорбительно, – обиженно замечает он. – Я сделал все, чтобы тебе было приятно смотреть на своего соседа по жилплощади.

– Кого?

– Давай опустим то место, где ты истерически кричишь и угрожаешь мне ментами, – предупредил он, брезгливо морщась. – Последних я не боюсь, как коллег по роду занятий, а первое я страшно ненавижу. Выбор у тебя невелик: согласиться по доброй воле или... тоже согласиться, но уже по иным, менее приятным причинам.

– Ты собираешься остаться навсегда? – ужасается она.

– Навсегда – это слишком много, тем более для долгожителя. Пары недель мне хватит.

– Хватит для чего?

– Мне нужен комфортный отдых. Я на время устраниюсь от дел. Устал.

Он сладко потягивается, хрустит косточками и зевает.

– Позвольте прилечь, хозяйка? – осведомляется он, кивая в сторону дивана, на котором она лежит.

– Со мной рядом?

– Я думал – ты спишь в спальне! Тогда я лягу там, – он благодушно разводит руками, направляясь в коридор.

– Ты?..

– Можем и... мы... вместе, – задорно подмигивает он.

– Не можем. Ложись тут. И поклянись мне всеми демонами ада, что ты ко мне в спальню ни ногой.

– Клянусь всеми демонами ада! – вскинув руку, повторяет он пламенно. – Если бы это еще что-то для меня значило...

Он тихо посмеивается, но она не разделяет его веселья.

– Надо же, нежить, а храпит, как живой мужик! – бурчит она, ворочаясь с боку на бок...

* * *

Работа не ладится. Все валится из рук. Мысли путаются и все время возвращаются к тому, что у нее дома, на ее диване, перед ее телевизором, с чашкой ее чая лежит живой вампир. Впрочем, утверждение о том, что он живой, сомнительно...

«Я буду спать», – сказал он, и сколько она не пыталась отвлечься, воображению произвольно представлялся гроб с сырой землей и его тело внутри. Хотя утром, он, кажется, вполне комфортно чувствовал себя на атласных простынях ее дивана.

– Он всего лишь авантюрист! – внезапно осознает она. – А я испугалась! Поверила! Нужно в милицию звонить...

Она берет трубку, но в ней вместо гудков раздается голос:

– Я же тебя просил без милиции.

Немая сцена. Паника и ком в ее горле.

– Раз ты все равно не работаешь, может, сходим прогуляться? Покажу тебе пару фокусов. Тебе ведь интересно?

Он явно самодовольно усмехается по ту сторону телефона. Ее это злит, но она соглашается. Ей очень интересно...

* * *

– Спрашивай, – позволяет он, ухмыляясь.

Они гуляют по улицам города уже битый час. Все это время он молчит и самодовольно улыбается своим мыслям, а она изо всех сил напускает на себя безразличный вид, хотя происходящее уже начинает ее раздражать. Но она терпит. Она очень хочет узнать...

– Брось! – тянет он своим певучим, беспредельно мелодичным голосом. – Ты совершенно не умеешь притворяться. Спрашивай!

– Кто ты?

– Мне казалось, с этим мы уже определились.

– Этого не может быть. Вампиров не бывает!

– Еще как бывают. Или ты полагаешь, что веками неутихающие разговоры о нас – пустая болтовня и вымысел? Уверяю тебя – люди на такое не способны! Всякая ложь в этом мире пропитана истиной. Все, что вы умеете – обыгрывать и искажать факты.

– Ты не похож на ходячий труп.

– Вот! Самое грубое искажение фактов. Вампиры не мертвецы. Они живые! Существа из плоти и крови. Мы пьем воду и едим пищу, дышим, спим, но мы не способны к самостоятельной выработке необходимой всему живому энергии... Впрочем, я слишком опережаю события.

– Значит, ты правда вампир?

Он недовольно морщится.

– Смотря что вкладывать в этот термин. Я не мертв, и кровь пью далеко не у всех. Ведь я волак.

Он улыбается, и на его безупречном лице появляется самодовольное выражение.

– Волак?

– Пьющий женскую кровь. Перевод дословный, – бросив на нее косой взгляд с прищуром, поясняет он.

– А мужчины тебе чем не угодили? – возмущается она. – Почему нам одним такая честь?

– Фу, какая гадость! Мужская кровь горчит, и после нее во рту остается привкус нестиранных носков.

Он гадливо морщится, но продолжает:

– Потребности в энергии она, безусловно, удовлетворяет, но ненадолго. Женщина – вот источник жизни. В ее крови ключ бытия. Поэтому ни один уважающий себя волак не станет пить мужскую кровь. По нашим меркам, это самое низкое из всех возможных падений.

Он замирает, чтобы тут же театрально выдохнуть следующие слова:

– Волак – художник любовной иллюзии! Мастер, околдовывающий разум и тело, искушающий лишь ту женщину, которая этого ждет. Он дарует любовь, а взамен берет самую малость – немного сладкой энергии жизни...

– По принципу пиявки? – едко перебивает она.

Он снова морщится, но тут же усмехается с оттенком веселья в глазах.

– Мы никогда не берем лишнего. И работаем чисто. Не подкопаешься. Мастерски создаём иллюзию. И даем не меньше, чем берем. Все честно.

– Впечатляющий альтруизм! Одурманить, изнасиловать и напиться крови!

Он весело улыбается ее ядовитым замечаниям и, закатав рукава, демонстрирует гибкие кисти рук с красивыми длинными пальцами.

– Настало время демонстрации.

– Ты собираешься совратить кого-то на моих глазах? – ужасается она.

Он смеется. Раскатисто, но негромко.

– Предполагаю, что это мое умение ты сомнению не подвергаешь. Или я не прав? Скажи, и я всегда смогу переубедить тебя на твоём собственном примере.

Он улыбается ей сахарной улыбкой, смотрит в глаза немигающим долгим взглядом, и по ее коже пробегают мурашки, а щеки непроизвольно начинают краснеть. В этот миг у нее не остается сомнений в том, что это не простой смертный. Ни один мужчина не способен так будоражить взглядом.

– Не стоит, благодарю! – с деланным отвращением возражает она и резко меняет тему. – А как тебя зовут?

– Здесь и сейчас я Алекс! – усмехается он. – Здесь и сейчас...

* * *

Она видела многое и полагала, что ее сложно удивить, но волаку это удастся.

– Это гипноз? – тихим шепотом спрашивает она, когда он на ее глазах облачается в коллекционный костюм, а стоящий в двух шагах продавец этого не замечает.

– Иллюзия, – он щелкает пальцем и усмехается.

К моменту, когда они покидают магазин с ворохом элитных обновок для него, на них по-прежнему никто не обращает внимания.

– Это воровство, – хмуро цедит она себе под нос, зная, что он ее отлично слышит.

– В стране, где все воруют, эти слова звучат нелепо, – цинично возражает он.

– Да уж, решила поговорить с упырем о нравственности, – усмехается она.

– Сколько же раз тебе повторять?! Я волак! Не упырь! – вздыхает он раздосадовано.

По дороге они натываются на чумазого мальчишку, что просит подаяния, протягивая маленькую грязную ладошку каждому, кто проходит мимо. Ольга тянется в карман за деньгами, а ее спутник тем временем смотрит на ребенка с откровенным презрением.

– Попрошайки, – гадливо морщится он. – Мелкие паразиты. Москиты в мире кровососущих. Это отвратительно! Если берешь – бери! По-крупному, а не пресмыкайся за пятак. Суть одна. Но так хоть достоинство свое сохранишь.

– У него нет выбора, – возражает Ольга.

– Выбор есть всегда, – усмехается он. – Он, как и я в свое время, выбрал легкий путь. Жить на подачках. С этого и начинаются вампиры.

Перехватив ее откровенно пораженный взгляд, он смеется.

– А ты полагала, мы рождаемся кровососущими? Нет, это приходит со временем. Апофеоз развития вампиризма. А я стою на верхушке этой пирамиды. Волак – это высший мастер. Всякая пиявка способна сосать кровь у любой живой твари.

Он снова брезгливо морщится и косится на чумазого пацаненка, что теребит женщину за рукав блузы, выпрашивая еще денег.

– А ты попробуй, добейся такого мастерства, чтобы тебе ее предлагали сами, – продолжает волак. – Женщины...

Он вздыхает сладко и щурится как сытый кот.

– Как много в этом чарующем слове... Женское тело – колыбель новой жизни. Вместилище сил, молодости и красоты. Всем, что у меня есть, я обязан вам!

Ольга слушает зачарованно, ждет продолжения, но волак, сознавая ее интерес, усмехается ее ожиданию, смакует его. Он не собирается полностью открывать занавес тайны. Не сейчас...

В музее истории, закрытом на текущий ремонт, он демонстрирует ей чудеса внушения. Директор музея изображает по его желанию кактус в пустыне в засушливый год, а его секретарша танцует «Лебединое озеро». Волак смеется. Ему весело. Ольга хмурится. Происходящее кажется ей отвратительным, а он сам – вульгарным хамом, избалованным, развращенным типом.

– Прекрати! – требует она, когда к танцу секретарши для его увеселения присоединяется и уборщица. – Это уже не смешно. У тебя нет права насмехаться над этими людьми.

– Почему? Кто силен, тот и прав! Разве не по этому принципу живут люди в нашем мире?

– Но это никому не дает права унижать слабых, – грустно возражает она. – Я уйду.

Она разворачивается к выходу, и он некоторое время провожает ее заинтригованным взглядом, а затем предлагает:

– Пообедаем? Я угощаю.

– Не желаю есть на ворованные деньги.

– Заплати ты.

– Оплачивать твою нездоровую тягу к роскоши я желаю еще меньше!

– Тогда не упрямясь. Из двух зол положено выбирать меньшее.

* * *

Элитный ресторан – самый дорогой в городе. Неповторимое меню, французский повар, шампанское «Кристалл». Она безразличноковыряет вилкой в своей тарелке, он ест с отменным аппетитом. Вокруг красиво, как в сказке. Живая музыка, живые цветы и... живой вампир. За столом напротив...

– Тебя возможно поймать?

– Никто не ловил.

– Почему?

– У меня много лиц. Но никто никогда не вспомнит ни одного из них.

– Ты бессмертен?

– Все бессмертны – в широком смысле этого слова. Но тела наши бренны, увы, – вздыхает он безразлично. – Другое дело, сколько мы способны в них прожить.

– И сколько же ты способен прожить в своем теле?

– Вопросы возраста для меня столь же интимны, как и для всякой уважающей себя женщины. Но позволю себе заметить, что я уже значительно старше тебя.

Он ухмыляется и кладет себе в тарелку очередной кусок осетрины.

– Намного?

– Что есть «много» или «мало» перед ликом вечности? – разводит он руками, усмехаясь.

Он снова играет с ее интересом, водит за нос, разжигает любопытство и, похоже, не спешит погасить его своими ответами. Одно слово – вампир!

– Значит, так ты живешь? Банальный потребитель чужого труда. Праздно и легко, пока другие надрываются? – замечает она.

– А кто же тебя вынуждает надрываться, Олюшка? – ележно улыбается он.

– Необходимость.

– Необходимость, говоришь? Она ли? Или это делает страх? Что без твоих трудов праведных ты вообще никому не нужна? В тридцать лет ты впервые подумала об этом. И вот уже шесть лет эта мысль не оставляет тебя, не правда ли?

Он неспешно растягивает губы в циничной усмешке. Он доволен собой, его глаза холодны. Наивно ждать от кровососущего жалости, но он сделал ей по-настоящему больно, и она не сумела остаться равнодушной хотя бы внешне.

– А тебя подобные мысли не терзают, – констатирует она холодно.

– Нет. Я свободен от предрассудков и человеческих страхов. Поэтому я живу, как хочу.

– Вампир – потребитель чужого...

Волак откладывает вилку и откидывается на спинку стула.

– Я слишком стар, чтобы мне читали нотации и учили нравственности. Наведи порядок в своей жизни, а уже потом веди других в светлое будущее. Это ваша всеобщая людская проблема. Идеализм и тяга к сказке. А в реальности вокруг – дерьмо. Ни дня, ни часа вы не бывае-ете честны даже сами с собой. Вы, создавая массу условностей, не даете себе жить, а когда становитесь так несчастны, что уже не в силах это выносить, пытаетесь сделать такими и всех вокруг. Не я лицемер, а ты! Вы все! А я живу свободно и никогда не беру больше того, что мне могут отдать.

– Добрый и справедливый, прям Робин Гуд! Если каждый так станет делать, что останется?

– В том-то и дело. Я счастлив, поэтому и другим не мешаю быть таковыми.

Ольга смолкает, разбитая наголову его сокрушительной логикой закоренелого эгоиста.

Он спокоен, даже безразличен. Вновь вооружается вилок и неторопливо ест. Уверенный, безупречно красивый, опрятный и шикарно одетый – он вызывает в ней чувство отвращения.

– Десерт ешь сам, – она поднимается.

– Ужин можешь не готовить. Я буду не голоден, – он отрывает взгляд от тарелки и направляет его куда-то за спину Ольги.

Она резко разворачивается и обнаруживает за столиком неподалеку весьма привлекательную особу, явно ожидающую того мига, когда волак подойдет к ней. Ольга горько вздыхает. Она проиграла этот бой.

* * *

Он переменчив. То шепетилен и аккуратен, педантичен во всем вплоть до мелочей, то вдруг превращается в безалаберного неряху. Так же переменчиво и его настроение. Смех легко сменяется гневом или слезами, а затем стенаниями, что «ему ужасно везет с плаксами». Что он имеет в виду, ей непонятно, но ее посещают догадки. Его настроение как-то связано с кровью, которую он потребляет. Она видит, как он приходит под утро на ночлег к ней домой – злой или умиротворенный. Но неизменно сытый. Она предполагает, что кровь не только сообщает ему настроение жертвы, но и частично передает ее характер.

* * *

В этот вечер он непривычно благодушен. Ходит по квартире в одних спортивных штанах с ее гитарой и тревожит гибкими пальцами струны, что-то негромко напевая себе под нос. Ольга следит за ним. Его не было дома всю ночь. Уже третью на этой неделе. Он частит.

Как-то в момент откровения он признался: чтобы выжить, волаку нужна самая малость – пара глотков каждое новолуние... Но для того чтобы создать и поддержать иллюзию, требуется намного больше сил... и крови. И он вынужден пить еще и еще...

– Переверни страницу. Вся конспирация насмарку. Читать один и тот же разворот тридцать минут кряду – неправдоподобно! – смеется он.

– Ты весел сегодня. Хорошая жертва попалась? – она придает голосу безразличную уверенность и с замершим сердцем ждет ответа.

Волак на миг останавливается для того, чтобы весело и задорно посмеяться.

– Ты долго готовила этот вопрос. Полагаю, имеешь право узнать правду. Хорошая.

– Значит, твое настроение напрямую зависит от жертвы?

– Почему жертвы? – обиженно морщится он. – Некрасивое слово. Ей понравилось.

– Сомневаюсь...

– А ты проверь! – усмехается он и вновь дразнит ее недвусмысленным взглядом. – Будешь знать наверняка.

– Предпочитаю неизвестность.

– Что еще? – оборачиваясь на ходу, хмурится он.

Ольга молчит. В ее сознании проносится множество вопросов, но она не знает, с какого начать.

– Остановись хоть на миг! – морщится он. – Даже я не способен разобраться в безумном ворохе твоих вопросов. Почему я снова пью? Ты это хотела спросить? Потому что ваша кровь не одинаково насыщает. Все напрямую зависит от личности. Яблоки тоже различны на вкус, как и вода. Одна – чистая и сладкая, как мед. Живая. А другая – стоячая. Мертвая.

– Почему ты ее пьешь?

– Кровь несет не только питательные вещества. Она таит информацию – чистую энергию жизни. Вампиры неспособны воспроизводить энергию, но она нам нужна, так же как и всем остальным. Поэтому мы ее пьем.

– Это сложно понять...

– Легче, чем кажется. Это как влить бензин в бак своего авто.

– А кто же тогда заправляет другие авто?

– Они изначально устроены так, чтобы производить для себя бензин. Вернее, из капли изначально пришедшего извне топлива вырабатывать многие литры бензина долгие годы подряд. Приумножать дарованное.

– А вы почему не приумножаете?

– Приумножитель не работает. Нет его у нас, – он хмурится, откладывает гитару и опускается в удобное кресло напротив нее.

– Выходит, вы просто не можете по-другому?

– Выходит что так, – усмехается он.

– Но это не оправдывает злоупотребления. Можно обойтись и меньшим. Тебе нравится такая жизнь! И меня ты выбрал умышленно, чтобы жить в роскоши. Ведь это так удобно – ничего не делать и ни за что не платить. Спать до обеда в шикарной квартире женщины, у которой нет ни семьи, ни родни. Где тебя никто не потревожит.

Он изучает ее спокойным взглядом, слегка касаясь указательным пальцем своих идеально очерченных губ.

– Очень сильная личность. Но слишком самодостаточная для женщины. Это пугает мужчин и делает тебя несчастной.

Ольга хмурится, но он продолжает сверлить ее пронизывающим взглядом безбрежных, бездонных, невыносимо лазурных глаз.

– Наша встреча была неслучайна. Ты искала меня. Ждала того, кто облегчит твои муки.

Ольга вздрагивает. Она не может ни встать, ни вскрикнуть, хотя испытывает невыразимый ужас, когда он, поднявшись, плавно скользит через разделяющее их пространство, заглядывая своими невозможными глазами прямо ей в душу.

– Не нужно меня бояться. Это совершенно не больно, – любовно поет его голос, разрушая стену ее страха, – а после тебе будет очень легко...

Всё, что Ольга чувствует – это как деревенеет от испуга ее тело и пересыхает во рту. А затем становится тепло от прикосновения его рук. И, кажется, время замирает, легкие навеки перестают дышать, а на землю спускается вечная мгла. Бесконечная лазурь его глаз неторопливо растекается перед ее взором, застилая собой все пространство вокруг и даже внутри нее...

* * *

Холодно. Кончики пальцев слегка онемели и покалывают. Во рту царит пустыня. Кружится голова.

Кажется, все это ей описывала Анна.

Ольга с трудом приподнимается на постели. Сознание мутится, картинка перед глазами нечеткая. Дрожащая рука ощупывает горло. Слева на шее отчетливо чувствуются небольшие ранки с подсохшей кровавой корочкой.

Она жалобно всхлипывает. Ей страшно. Слегка тошнит, и от волнения голова кружится еще сильнее. Сильно дрожат руки. Это слабость от потери крови. Утешает только одно – она все еще жива.

Все эти дни, что Оно жило под ее крышей, страха не было. Он прошел, испарился, растаял... Был лишь интерес к неведомому, необъяснимому. А теперь страх вернулся. Закрался в самые потайные уголки сознания и пугает ее оттуда, усталую и обессиленную...

Водоворот мыслей кружит в ее сознании. Святая вода... Церковь... Крест.

Может ли что-то из этого ей помочь? Если бежать, то куда, к кому?

Ольга, пошатываясь, поднимается. Она в спальне. Как она тут оказалась, догадаться несложно. А чем он тут с ней занимался – еще легче. В душе – отвращение к самой себе и... гнев! Безудержный. Обжигающий. Дарующий силы.

На шатких, неустойчивых ногах она движется к двери, кутаясь на ходу в покрывало.

Коридор. Дверь ванны, туалет, поворот, холл. Гостиная...

Он сидит на подоконнике и смотрит в окно. Его тело расслаблено, лицо безмятежно. Он всецело умиротворен.

– Очень красивое небо, – тихо шепчет его голос. – Неужели оно всегда было таким красивым? Почему я раньше этого не видел...

Ольга опирается о диван. Она молчит. На гнев уже не хватает сил, они все ушли на то, чтобы добраться до гостиной.

Алекс ведет себя странно. То же безупречное лицо и тело, но совершенно иное выражение лица и глаз, тот же голос, но в нем слышится совсем другая мелодия. Словно не тот человек...

Ольга спохватывается, напоминая себе, что это волк, вампир, и если в нем и произошли перемены, то лишь благодаря воздействию ее крови.

– Прости, – шепчет он, оборачиваясь. – Задумался. Ты, верно, голодна. Присядь.

Он вскакивает. Осторожно, как заботливейшая из сиделок, усаживает ее на диван и подкладывает ей за спину подушку. Ольга хмурится. Происходящее ей непривычно.

– Ты укусил меня, – она старается вложить в эти слова весь свой гнев и обиду. Выходит плохо. Голос сиплый и слабый.

– Да. Прости. Я знаю, что виноват. Слишком увлекся. Головокружение пройдет. Тебе нужно поесть. Я приготовил обед. Все, как ты любишь...

– Ты знаешь все только о своих собственных нуждах! Откуда тебе знать, что и как люблю я? Не помню, чтобы ты меня спрашивал, хоть и живешь здесь уже несколько недель.

– Теперь я знаю.

Он смотрит ей в глаза. В его взгляде – вина, а может, мастерская маска раскаяния.

– Кровь переносит энергию, которая таит в себе информацию. Я пью кровь и непроизвольно получаю всю информацию о человеке. Его прошлое, настоящее, мечты, горести, надежды и страхи. Я знаю о тебе все.

Ольга смотрит изумленно, с трудом пытаясь осознать то, что услышала. Волак молчит. Он ждет каких-то слов или действий с ее стороны. Любых. Но, не дождавшись, уходит на кухню.

Пока она ест, он старательно обрабатывает укус на ее шее. Ольга хмурится и морщится, капризная, как дитя, но его забота немного ее успокаивает.

– Много жидкости и сна. Лечение универсальное, как при простуде, – несмело улыбается он. – Тебе лучше?

Она игнорирует его вопрос и строго цедит:

– Ты должен уйти. У тебя не было права меня кусать. Это было против правил.

Она не особенно рассчитывает на результат. Тех самых упомянутых правил никто из них не обозначил. Ей нечем на него повлиять. Она беззащитна. Но Алекс снова удивляет ее.

– Ты правда этого хочешь?

– Да.

Шорох, тихий звук шагов, приглушенных ковром, и скрип петель новой двери. Тишина. Волак ушел.

* * *

Она спит весь день, а когда пробуждается, силится забыть последние недели, как кошмарный сон. У нее плохо выходит. Он все время перед глазами. Странно. Слышать в голове его мысли, ощущать его кожей. Чувствовать, что сейчас ему холодно и грустно, как потерявшемуся котенку.

Она ругает себя за глупую сентиментальность и неуместное сострадание к тому, кто пьет людскую кровь. Но странные ощущения не покидают ее. Она злится. Размышляет. Приходит догадка, что это реакция, как после укуса комара. Только ранка от комариного укуса зудит, а в случае с волаком возникает навязчивое чувство близости.

От этих мыслей ее отвлекает звонок в дверь.

– Не могу прогнать. Весь день тут жмет. Выкинуть жаль, хорошенький. Не твой?

Ольга смотрит на соседку недоуменно, та кивает за дверь. На полу у стены сидит собачонок.

– Мой, – врет Ольга.

У нее необъяснимая слабость к собакам, но ритм жизни, частые командировки не дают возможности завести щенка. Она решает, что это знак свыше.

Собачонок попался прожорливый. Вылакал тарелку молока, умял пять сосисок и наглейшим образом разлегся на ее коленях, вылизывая при этом хозяйскую руку с какой-то непередаваемой нежностью и сытой благодарностью.

– Стоило одного нахала вон выставить, как тут же другой образовался...

* * *

Поздний вечер. Усталость.

Дом встречает шумом музыки и грохотом кастрюль на кухне. Пряный аромат любимого соуса растекается квартирой.

– Пришла наконец! Мои нервные клетки тоже, знаешь ли, плохо восстанавливаются!

Ольга изумленно хлопает глазами. Волак в переднике и со сковородкой хлопочет на кухне, как ни в чем не бывало.

– Рано тебе на работу, – ворчит он себе под нос.

– А где пес?

Ольга приходит в себя и кидается к заветной коробке, где она устроила комфортное жилище драгоценному заморышу.

– Пройдоха, ты где?

– Что за имя такое?! Пройдоха! Мне совсем не нравится, – бурчит он. – Нет его, не кричи.

– Ты его вышвырнул? Как ты посмел! Я всегда мечтала о такой ласковой собаке.

– Я знаю.

– Как ты попал сюда?

– Ты сама меня впустила.

– Не понимаю... – шепчет она.

Ольга кривит душой. Она понимает. Догадывается. Еще утром у нее мелькнула мысль, что у щенка слишком знакомые, необычно лазурные для собаки глаза. Таких совпадений не бывает. Снова иллюзия...

– Зачем? – спрашивает она.

– Я не могу теперь уйти, – горько усмехаясь, шепчет он.

– Потому что я знаю твою тайну?

– Потому что я попробовал твою кровь...

* * *

Ночь. Дверь закрыта на замок, ее подпирает массивная тумбочка. Но она не спит. Прислушивается.

Тихо. Ни звука. Она знает, что и он не спит, и это тревожит ее, не дает расслабиться. Ей в равной степени страшно и интересно. Выгнать его она не может. Какой смысл? Он снова придет. Попроберется в дом, просочится в ее жизнь. Ведь он сам сказал, что теперь она ему нужна. Он познал тайну ее крови, и она пришлась ему по вкусу.

От этих мыслей тревожно и жутко, особенно по ночам. Но днем еще тяжелей. Днем перед ней постоянно эти глаза. Теперь они смотрят иначе. Ждут и просят...

Ее кровь как-то по-особенному подействовала на него. Он сам признает это. Она открыла перед ним новый мир. А может, он увидел старый ее глазами.

Волак стал ласков, как котенок, но она не верит ему. Нельзя верить тому, кто пил твою кровь и знает все тайны твоей души.

Он много говорит. Удивляется всему, что видит, и она непроизвольно верит, что этот мир стал для него открытием.

– Как же так?! – дивится он. – Почему на Земле так много людей, и все они так по-разному воспринимают жизнь? Никто под этой Луной не смотрит на небо такими, как ты, глазами...

Она становится для него наркотиком, и это ее пугает. Из нежного зверя он превращается в опасного хищника, ловца, который умело расставляет свои сети. Он снова жаждет ее поймать. Это страшно: каждую ночь ложиться в свою постель и не знать – наступит ли завтра?..

Но пока оно наступает. Он говорит, что она – драгоценнейшее из сокровищ мира, редкий человек. В ее жизни было много горя, но она все еще умеет любить.

– При чем здесь любовь, не понимаю, – возражает она устало.

– Чем больше в крови информации о жизни, о любви, тем сильнее ее заряд, – поясняет он. Теперь он все время что-то ей поясняет. Он открывается, и это пугает еще больше. Он и Ольгу заставляет смотреть на мир иначе. Теперь в ее жизни все меньше тишины и все больше неспешных ночных разговоров обо всем на свете.

– Значит, я всего лишь долгоиграющая батарейка?

Он несогласно мотает головой. Лазурные глаза задумчивы и грустны. Только подумать, и это – глаза вампира! Как странно...

– Ты моя живая вода, – мелодично возражает его голос.

И от этого признания ей становится еще страшнее.

* * *

– У нас праздник? – интересуется она, едва переступает порог своей квартиры.

– Прости, что не встретил. Не успевал все закончить, – извиняется он откуда-то из недр ее кухни.

Вечерние прогулки стали традицией. Он встречает, провожает. Обеспечивает безопасность. Настаивает на том, что свежий воздух ей полезен. Она всякий раз усмехается, едко замечая, что от «свежего воздуха» кровь, вероятно, сытнее. Он не спорит, не доказывает и не опровергает. Он поразительно терпелив. Определенно, это качество он позаимствовал не у нее. Однако раньше он им не отличался.

Ольга боится. Он слишком обходителен. Волак, познавший все тайны ее души, – грозный враг. Ей тяжело ему противиться. Он двигается и смотрит так, что у нее переворачивается все внутри. Затрагивает нужные темы и говорит только тогда, когда она желает его слышать. А когда ей нужна тишина, он молчит. Он идеален, но разум напоминает ей, что это всего лишь иллюзия...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.